

Честь имею!

Ровно двадцать дней назад, акkurat 31 декабря, начальник штаба Всеволожского УВД Марина ЕЛПАТЬЕВСКАЯ принимала поздравления от коллег, друзей и родных – нет, не с наступающим Новым годом, а с присвоением ей очередного звания – полковник милиции. Единственную в УВД женщину-полковника в этот день поздравили также лично начальник ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области В.Ю. Пиотровский и заместитель начальника ГУВД по Ленинградской области А.Н. Степин.

Разумеется, «Всеволожские вести» не могли пройти мимо такого события, тем более что журналисты хорошо знакомы с Мариной Викторовной – во многом благодаря именно ей налажена связь милиции со средствами массовой информации, а предоставляемые ею сведения из сводки происшествий питают полюбившуюся нашим читателям рубрику «Крим-факт».

Настоящий полковник

Вообще, представительницы прекрасной половины человечества, носящие погоны, всегда вызывают интерес и повышенное внимание, а уж дама – полковник милиции – вообще нонсенс! Но, несмотря на то, что в жизни Марина Викторовна – очаровательная женщина с открытой улыбкой, по духу она настоящий полковник – в этом убежден начальник Всеволожского УВД С.Ф. Корзанов.

«С Мариной Викторовной я знаком достаточно давно, – говорит Сергей Федорович. – Знаю ее по совместной работе во Фрунзенском УВД Санкт-Петербурга. Профессионализм, высочайшая ответственность за свою работу, жесткая самодисциплина – и в то же время удивительная способность понимать и сопереживать – вот качества, которые позволили Марине Викторовне не только успешно сделать карьеру, но и снискать любовь и уважение коллег и подчиненных».

Мы встретились с Мариной Викторовной Елпатьевской для того, чтобы задать ей несколько вопросов – о жизни, о работе, о планах на будущее.

– Марина Викторовна, обычно девочки мечтают стать учителями, врачами, артистками... А о чем в детстве мечтали вы?

– Представьте, я мечтала быть милиционером. Кумир моего детства – дядя Степа, эту книжку я знала наизусть. Сначала мне ее читала мама, потом уже я сама много раз читала и перечитывала эти незамысловатые стихи о похождениях доброго постового. Со временем детская мечта позабылась, но уважение к этой профессии осталось навсегда.

Когда после окончания школы передо мной встал выбор будущей профессии, о работе в милиции я и не помышляла. Поступила в Ленинградский институт авиаприборостроения, потому что этот вуз предоставлял возможность получить редкую по тем временам профессию программиста.

– И все-таки, как вас угораздило «попасть в милицию»?

– Почти сразу после окончания института вместе с мужем-военным мне пришлось уехать из Ленинграда на Север, в Кандалакшу. Там я несколько лет работала в школе учителем информатики. И знаете, мне очень нравилось эта работа. Как-то сразу возник контакт и с ребятами, и с коллегами-учителями. Я не только учила детей своему предмету, но и сама училась многому – терпению, пониманию человеческой психологии, ответственности за тех, кто тебе доверяет. Но во всем этом был огромный минус – оскорбительно низкая зарплата. Семейная жизнь к тому времени как-то сошла на нет, с мужем мы расстались, и нужно было как-то кормить не только себя, но и маленькую дочку.

И вот тут как раз меня и пригласили на работу в УВД г. Кандалакша. Компьютеризация тогда только начинала набирать обороты, специалистов было мало, платили сносно, да и работа оказалась интересной.

В 94-м появилась возможность вернуться в родной город. Уезжала из Ленинграда, а возвратилась в Санкт-Петербург – как в песне. И уже без всяких раздумий поступила на работу во Фрунзенское УВД. Два года была оперуполномоченным по расследованию умышленных убийств. В нашем отделе в то время проводилось внедрение новых технологий, отлаживалась компьютерная обработка информационных массивов, баз данных.

Припоминается такой случай: свидетель преступления знал лишь имя убийцы – Пантелеймон, и его примерный возраст. Имя, конечно, редкое, но город-то огромный... И все-таки нам удалось, даже имея такие скудные данные, вычислить преступника и привлечь его к уголовной ответственности.

Сегодня уже очевидно, что аналитическая работа, основанная на компьютерных технологиях, дает прекрасные результаты по выявлению круга лиц, причастных к тому или иному преступлению, а ведь еще несколько лет назад далеко не все милицеские подразделения имели не то что штатных аналитиков, но и вообще компьютеры...

В 2002 году меня назначили на должность заместителя начальника штаба Фрунзенского УВД, а в 2008-м я перешла на работу сюда, во Всеволожск.

– И как вам показалась наша провинциальная жизнь?

– Если честно, то по общему состоянию дел всеволожская милиция, как, впрочем, и вообще областная, лет на 20 отставала от уровня, что уже тогда имелся в Санкт-Петербурге. Практически отсутствовала современная оргтехника, не было оперативной связи с территориальными подразделениями, практиковались устаревшие методы управления, деятельность личного состава не соответствовала приказам высшего руководства. Да что там говорить – в здании не было – пардон! – даже туалетов. Пропускная система отсутствовала, что, на самом деле, просто опасно для нашей работы – любой и с любыми намерениями мог без труда проникнуть в помещение, где работают оперуполномоченные, ведутся допросы, хранится оперативная информация.

– Как сегодня вы оцениваете ситуацию?

– В течение последних двух-трех лет была проделана большая работа по укреплению, принципиальному обновлению материально-технической базы Всеволожского УВД. Отремонтирована большая часть помещений, кабинеты оснащены необходимыми современными техническими средствами, у оперативных работников теперь имеются средства мобильной связи и ноутбуки. Работает контрольно-пропускная система.

Большим достижением я считаю создание 128 отделения милиции, обеспечивающего правопорядок непосредственно в городе Всеволожске.

Ранее на огромной территории Всеволожского района работала всего одна оперативно-следственная группа, что создавало большие неудобства и для жителей, порой по двое суток ожидавших приезда следователя, и для самих сотрудников, буквально разрывавшихся между поселениями, расположенными на значительном расстоянии друг от друга. В настоящее время на территории района работают две оперативно-следственных группы, что позволяет гораздо быстрее реагировать на сообщения о совершенных правонарушениях. Ведь от оперативности напрямую зависит успех дела.

На новую ступень вышла работа дежурной части – если в 2007 году по горячим следам раскрывалось 10 – 15 процентов преступлений в течение дежурных суток, то в 2010-м – 40 – 50 процентов.

Значительные изменения произошли в личном составе УВД, ушли случайные люди и, напротив, пришли профессионалы, знающие и любящие эту работу.

За эти годы отработан огромный пласт не рассмотренных материалов, упорядочено движение документации, ужесточен контроль за исполнением приказов и принятием решений.

Вообще, у нас уделяется огромное внимание дисциплине и исполнительности – например, ежедневно подводятся итоги деятельности всех отделов УВД.

Отдельно хотелось бы сказать об участии Всеволожского УВД в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Число лиц, привлеченных к уголовной ответственности по этой статье, возросло в два с половиной раза по сравнению с показателями 2008

года. Не секрет, что именно наркоманы питают криминальную среду – ими совершается большая часть грабежей, разбоев и квартирных краж. Благодаря эффективным мерам, предпринятым сотрудниками УВД, а попросту говоря, тому, что значительное число наркоманов, промышлявших во Всеволожском районе, получило реальные «сроки», существенно снизились показатели имущественных преступлений. Так, количество краж сократилось на 30 процентов, грабежей – на 27 процентов, разбоев – на 56 процентов.

– Марина Викторовна, вы являетесь начальником штаба Всеволожского УВД. По сути, это мозг, сердце, главный «орган» всего подразделения...

– Действительно, мы координируем работу всех служб милиции. Основные три функции штаба: анализ, статистика и общий контроль. Это если коротко. А если подробно рассказывать о нашей работе, то не хватит ни места в газете, ни терпения ваших читателей.

– Конечно, людям интереснее было бы узнать, чем увлекается такой очаровательный полковник, как отдыхает, какую музыку слушает... Словом, кое-что из личной жизни.

– Боюсь вас разочаровать, но ничего захватывающего в моей личной жизни нет. Живу со старенькой мамой и взрослой дочерью. Полина – студентка Университета технологии и дизайна, но мечтает стать журналистом.

Ни на какие увлечения времени у меня просто нет, хотя я очень люблю вязать, и раньше, «в прошлой жизни», с удовольствием посвящала этому занятию свободные часы.

Полноценного отдыха в последнее время тоже не получается – даже находясь в отпуске, я постоянно «на связи». Если удается выкроить пару недель, то едем с дочерью к теплему морю в какую-нибудь культурную страну – чтобы и на пляже погреться, и достопримечательности осмотреть.

– Домашних животных любите?

– Конечно, особенно собак. Но с собакой нужно гулять, а у нас это делать некому. Поэтому завели кошку британской породы, назвали Глория и воспитали ее как собаку – она даже гавкать почти научилась.

– Со спортом дружите?

– Не то чтобы очень дружу, но в нормативы, положенные офицеру милиции, укладываюсь. Хорошие показатели у меня по стрельбе. В бассейн хожу регулярно, а вот серьезных физических нагрузок стараюсь избегать – не женское это дело!

– Но, послушайте, разве работа в милиции – вообще, женское дело?

– Да, в некоторых службах! Вы знаете, что почти сорок процентов следователей, дознавателей, сотрудников дежурной части – это все женщины. Женщины лучше мужчин отрабатывают поступление информации, умеют правильно расставлять приоритеты, они более стрессоустойчивы и терпеливы, скрупулезны и обязательны. Практика показывает, что женщины в милицеских погонах проявляют больше участия к людским бедам, чем их коллеги-мужчины, которые гораздо быстрее душевно черствуют на работе, то есть подвергаются профессиональной деформации. Да, наверное, в открытой схватке у женщины-милиционера меньше шансов одержать победу над преступником, но есть много других направлений в нашей работе, где необходимы женская интуиция, способность к сопереживанию и даже пресловутая женская логика.

**Беседовала Светлана ЗАВАДСКАЯ
Фото Александра КРЫЛОВА**

Гардероб для рядового

Призывников переоденут в новую форму

Зимнюю обнову уже примерили призывники осени-2010. Теплый камуфляж им выдали до отправки по гарнизонам, еще на сборных пунктах. Специальная одежда военных поменяла не только цвета – отсюда исчезли коричневые тона, а маскирующий рисунок на ней стал мельче, но и «содержание».

Военный камуфляж теперь шьют из ткани с применением мембранных материалов и легких синтетических утеплителей – главным образом холофайбера. На летние полевые костюмы идет хлопко-полиэфирная ткань типа «рип-стоп». Она трудно рвется, стойка к истиранию, поэтому очень практична. Солдатские и офицерские сапоги сменили ботинки с высокими берцами из мягкой гидрофобной кожи с резиновой литой подошвой и антибактериальными стельками.

Новая форма и смотрится по-новому. Но главное, как утверждают в Минобороны, она стала более удобной и функциональной. Скажем, отказавшись от мехового воротника на зимней полевой куртке в пользу воротника-стойки, конструкторы одежды добились того, что грудь и шея военнослужащих надежно прикрыты плотной материей на липучках. Чтобы у солдат на холоде не мерзли щеки и уши, камуфляж снабдили капюшоном, который легко подгоняется по размеру головы. В рукава теплой подкладки вшили манжеты на резинках – как бы боец ни крутил руками, пронизывающий ветер не заберется под его куртку. Она, между прочим, годится не только для зимы. Сняв с камуфляжа подкладку-утеплитель, его можно носить весной и осенью.

Однако, как показал печальный инцидент в гарнизоне Юрга, даже самая лучшая форма не спасет солдата от простуды, если его часами держать на 40-градусном морозе. Изыски модельеров оказываются безоружными перед откровенным разгильдяйством командиров.

Вообще из 35 предметов новой солдатской формы неизменным остался, пожалуй, только один – шапка из искусственной цигейки. Другие головные уборы военнослужащих в большей или меньшей степени переделали. Скажем, тулья на фуражке стала ниже на 2 сантиметра. А полевая кепи теперь весьма напоминает натовскую. К такому заимствованию в нашем военном ведомстве относятся спокойно. Более того, министр обороны Анатолий Сердюков открыто призвал: при разработке новой формы было взято все лучшее, что есть в армиях мира. В итоге от первоначальных моделей Юдашкина мало что осталось. Творческие изыски кутюрье сегодня можно узреть разве что в парадных мундирах солдат и офицеров.

Если с обеспечением призывников новым обмундированием генералы определились, то быстрого переодевания офицеров и контрактников ждать не приходится. Гардероб у кадровых военных разнообразней солдатского, и его заполняют более качественной одеждой.

Скажем, вместо привычной шинели офицеру теперь положено пальто из драпа и сукна с 90-процентным содержанием шерсти. У женщин-военнослужащих они облегченные и полностью шерстяные.

Вообще для верхней армейской одежды используют отечественные камвольные ткани с грязеотталкивающей тефлоновой отделкой. А чтобы они меньше мялись и долго носились, при производстве применяют полиэфирные волокна.

В Минобороны решили, что замена офицерского гардероба пойдет по мере износа старой формы. Тем, кому какие-то виды обмундирования не понадобятся, назначат компенсацию. Скажем, штабной офицер, не слишком часто пользующийся полевой одеждой, сможет взамен камуфляжа получить деньги и купить на них новые рубашки, обувь или заказать в военном ателье новый повседневный мундир.

А пока не наладится массовое производство такой одежды и обуви, обновления главным образом будут снабжать выпускников военных вузов и участников парада.

Юрий ГАВРИЛОВ